

Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия

Гусев Александр Борисович

Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского, Московская обл.
Жуковский, Россия, e-mail: a_goose@mail.ru

Юревич Максим Андреевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: mayurevich@fa.ru

Екимова Наталья Александровна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: n.ekimova@bk.ru

Адвокатова Алена Станиславовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: ASAdvokatova@yandex.ru

Цитирование: Гусев А.Б., Юревич М.А., Екимова Н.А., Адвокатова А.С. (2022). Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия. *Terra Economicus* 20(2), 21–39. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-21-39

В статье рассмотрены результаты и проблемы социально-экономического развития государств постсоветского пространства по итогам 30-летнего разобщенного существования. Были проанализированы такие составляющие, как экономическая, социальная (образование и демография), политическая. Установлено, что 11 из 15 бывших союзных республик, демонстрируя приемлемые темпы роста ВВП, по относительному показателю внешнего долга приблизились к состоянию банкротства. Показано, что во всех государствах снизилась рождаемость в расчете на 1000 населения. Однако депопуляция во всех без исключения бывших республиках европейской части СССР оказалась компенсирована приростом населения в бывших союзных республиках, в которых доминирует население, исповедующее ислам. Проведенный аналитический обзор мировых рейтингов университетов позволил сделать вывод о том, что за прошедшие 30 лет ни один университет, за исключением МГУ имени М.В. Ломоносова, не вошел в пул передовых университетов мира, что свидетельствует о глубокой периферийности национальных систем высшего образования. Рассмотренный военно-политический конфликтный потенциал постсоветского пространства обнаружил весьма неустойчивое равновесие, на поддержание которого отвлекаются значительные ресурсы РФ в условиях утраты стратегической инициативы, отсутствия идеологической основы для собственных проектов перспективного развития постсоветского пространства, череды цветных революций в соседних государствах, увеличивающемся количестве горячих точек, а также внешних угроз. Политический статус государств-соседей РФ позволяет почти половину ее сухопутной границы отнести к потенциальной линии фронта (6000 км). Новизна исследования состоит в том, что на основе теории систем в работе показано, что существование бывших союзных республик в режиме единого государства было для них выгоднее, чем в формате обособленных государств. Обосновано, что данное положение дел связано с утратой синергетического эффекта бывшими участниками СССР после его распада.

Ключевые слова: *постсоветское пространство; макрорезультаты постсоветских государств; проблемы разобщенности; межгосударственные конфликты; синергия*

Благодарность: *Авторы выражают глубокую признательность Е.В. Балацкому за комментарии и замечания к статье.*

Финансирование: *Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2021 г. по теме «Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России».*

Post-Soviet space thirty years on: Independence vs synergy

Alexandr B. Gousev

Central Aerohydrodynamic Institute, Zhukovsky, Moscow Region, Russia
e-mail: a_goose@mail.ru

Maxim A. Yurevich

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: mayurevich@fa.ru

Natalia A. Ekimova

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: n.ekimova@bk.ru

Alena S. Advokatova

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: ASAdvokatova@yandex.ru

Citation: Gousev A.B., Yurevich M.A., Ekimova N.A., Advokatova A.S. (2022). Post-Soviet space thirty years on: Independence vs synergy. *Terra Economicus* 20(2), 21–39 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-21-39

The article deals with the macro-outcomes and problems of socio-economic development of the post-Soviet states as a result of 30 years of disintegrated existence. Among the components studied are economic, social (education and demography) and political factors. 11 out of 15 former Soviet republics, while demonstrating acceptable GDP growth rates, approached bankruptcy in terms of external debt. With the exception of Lomonosov Moscow State University, no university in the past 30 years has been included in the rankings of top world universities, indicating that national higher education systems are on the margins. The politico-military conflict potential of the post-Soviet space revealed a highly unstable equilibrium to which considerable Russian resources are being diverted. Post-Soviet space lacks ideological basis for its own projects of prospective development. A sequence of “colored” revolutions in the neighboring states occurs, with the increasing number of “hot spots”. The political status of Russia’s neighboring states allows almost half of its land border to be classified as a potential front line (6000 km). We contribute to existing literature by demonstrating that a single state regime was more advantageous for the former Soviet republics compared to current existence in the form of individual states.

Keywords: *post-Soviet space; post-Soviet states macro-results; disunity; interstate conflicts; synergy*

Funding: *The article was prepared as part of the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2021 on the topic «The study of alternative concepts of tax regulation as a driver for the new industrial revolution in Russia»*

JEL codes: F02, P30

Постановка проблемы

В декабре 2021 года исполнилось 30 лет со дня распада СССР, означавшего исчезновение с геополитической карты мира не только одной из крупнейших экономик мира, но и самой гуманистической цивилизации в мире. Вчерашний мировой лидер распался на независимые государства, которые до сих пор, по классификации мировой системы И. Валлерстайна, относятся к странам полупериферии и периферии (Валлерстайн, 2006).

Российская империя и позже образованный на большей части ее территории СССР опирались на централизацию и строгую иерархию исполнительной власти. Такая конфигурация позволяла аккумулировать ресурсы большой страны и направлять их целевым образом на решение стратегических государственных задач, развитие отдельных регионов, обеспечивая сбалансированность. Сильное единое государство исключало либо идеологически гасило территориальные претензии одного народа к другому, сглаживало остроту межнациональных, межконфессиональных конфликтов, не допускало либо минимизировало вмешательство во внутренние дела со стороны приграничных государств.

Распад СССР привел к образованию 15 новых государств (РФ, Беларусь, Украина, Молдова, Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан), которые получили право определять курс своего дальнейшего развития. В современных реалиях принято говорить о том, что эти страны получили в результате раскола единого пространства, делая акценты на обретении независимости и самоидентичности. Однако в рамках данного исследования мы ставим перед собой задачу посмотреть, а что же они потеряли и насколько смогли заявить о себе как о конкурентоспособных игроках на мировой арене.

Новизна исследования заключается в том, что на основе теории систем в работе была сделана попытка показать, что существование бывших союзных республик в режиме единого государства было для них выгоднее, чем в формате обособленных государств, что связано с утратой синергетического эффекта бывшими участниками СССР после его распада.

Траектории и факторы развития государств постсоветского пространства

При рассмотрении эволюции экономических моделей постсоветских стран в период после распада СССР принято выделять ряд исходных практически идентичных условий для каждого из этих государств (Тураева, Вардомский, 2020). Во-первых, высокая степень изолированности от мировой экономики на фоне тесной интегрированности национальных хозяйств постсоветских стран между собой. Во-вторых, необходимость создания нового механизма государственного управления, имплементации институтов рыночной экономики и частных форм собственности (Raiklin, 2005). В-третьих, внутриконтинентальное положение большинства стран, слабый уровень развития инфраструктуры и логистики.

С учетом этих и других факторов, в том числе культурных особенностей наций, правительства стран следовали различными траекториями реформирования экономики, которые обычно объединяют в две группы: градуальные (постепенные) и шоковые преобразования (Роров, 2007). Однако вне зависимости от выбора траектории все эти страны оказались в условиях, когда институциональные реформы необходимо было проводить достаточно быстро, а, как известно, любые слишком быстрые, масштабные и особенно непоследовательные

преобразования самым негативным образом влияют на традиционную культуру народа, порождают не только снижение его жизнеспособности, но и депопуляцию и даже вырождение (Балацкий, 2021). Кроме того, радикальные реформы и масштабная ускоренная приватизация привели к крайне негативным экономическим последствиям и разрушению национальной промышленности во всех странах, избравших этот путь (Виноградов, Рябов, 2019). При этом решающую роль при выборе дальнейшего пути экономического развития сыграло наличие ресурсной базы. Так, государства с богатыми запасами углеводородов (РФ, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан) выбрали путь ресурсоориентированной экономики, обеспечив тем самым достаточно высокий среднедушевой ВВП и экономический рост; Киргизия и Таджикистан, экспортируя трудовую силу, стали показательными примерами «экономик денежных переводов» (Drahokoupil and Myant, 2015); Грузия, Армения и Молдавия, пользуясь благоприятными природно-климатическими условиями, сделали акцент на развитии сельского хозяйства и сервисной экономики; Белоруссия и Узбекистан в силу различных обстоятельств в разных пропорциях адаптировали комбинации этих моделей развития (Тураева, Вардомский, 2020).

Еще одной отличительной характеристикой постсоветского развития является выбранная странами интеграционная стратегия (Акаев и др., 2016). С этой точки зрения можно выделить следующие группы стран. Во-первых, государства-участники ЕАЭС, для которых РФ выступает ключевым союзником и партнером в экономической и прочих сферах интересов. Во второй группе находятся Туркменистан и Азербайджан, для которых связи с Россией играют чуть меньшую роль из-за плотного взаимодействия с другими странами, формирующими спрос на нефть и природный газ. Третья когорта стран представлена Грузией и Украиной, избравшими США и иных членов НАТО в качестве ключевых партнеров. К четвертой категории, как правило, причисляются прибалтийские страны, вошедшие в состав ЕС и максимально дистанцирующиеся от России и советского наследия (Mussagulova, 2021). Заключительная группа вбирает страны с относительно слабой экономикой и достаточно гибкими политическими симпатиями: Узбекистан, Таджикистан и Молдова.

Что касается выгод и издержек каждой из интеграционных стратегий, то в научной литературе часто встречаются диаметрально противоположные суждения. Например, плотное взаимодействие с Россией нередко ассоциируется с ослаблением институтов за счет переноса порочных деловых практик: коррупции, взяточничества и иных экономических преступлений (Grigas, 2012), тогда как улучшение институционального климата (укрепление верховенства закона, обеспечение прав граждан и демократизация) считается следствием сближения с европейскими державами (Dragneva and Wolczuk, 2012) или США (Belke et al., 2009). При этом интеграция с Россией открывает возможности для создания так называемого «сообщества безопасности», которое стимулирует качественный экономический рост на базе социокультурной идентичности сотрудничающих государств (Головнин и др., 2016). Некоторые количественные исследования вообще не показывают значимой статистической связи между влиянием интеграции с Россией на качество институтов соседних государств (Alexianu, 2015). В исследовании (Alexiou et al., 2020) продемонстрировано, что в группах постсоветских стран, разделенных по географическому фактору, качество институтов в период с 1996 по 2016 год почти не изменилось; а характер взаимосвязи между уровнями развития отдельных областей институциональной среды и темпами экономического роста слабо чувствителен к выбранной стратегии интеграции.

Со стороны экономической целесообразности интеграция с Россией также имеет ряд важных нюансов. Прежде всего, снижение объема внешнеторгового оборота (или доли России в сумме экспортно-импортных операций) связывается с падением веса России на арене мировой торговли и недостаточной развитостью некоторых отраслей ее экономики (Petrovich-Belkin et al., 2019). Например, на рынках передового производства РФ является ключевым поставщиком лишь для трех стран (Белоруссия, Казахстан и Украина) из всех постсоветских держав (Симачев и др., 2021). Хотя уровень корреляции динамики изменения ВВП постсовет-

ских государств по отдельности (без учета прибалтийских стран) с колебаниями российского ВВП крайне высок (Benešová and Smutka, 2016). Более того, среди постсоветских стран наблюдается устойчивая конвергенция экономического развития (Benešová et al., 2017). При этом экономическая мотивация зачастую не рассматривается как главный фактор интеграции с Россией, первостепенная роль отводится военному и политическому взаимодействию (Vinokurov and Libman, 2012).

Траектории развития экономики, очевидно, по-разному влияли на благополучие граждан и социальный климат в каждой из стран. Динамика уровня счастья, согласно опросам, за последние 15 лет в целом положительная, хотя население ни одной из постсоветских держав нельзя причислить к группе самых счастливых (Helliwell et al., 2021). В качестве одной из главных проблем, омрачающих повседневную жизнь граждан, рассматривается повсеместная несправедливость, ограничивающая доступ к тем или иным благам и препятствующая самореализации (Habibov and Afandi, 2015). А в качестве важного залога счастливой жизни в этих странах выступают традиционные межличностные связи и ценностно-нормативная целостность общества (Андреевкова, 2020).

В закавказских государствах, имеющих самые низкие значения индекса счастья среди постсоветских стран, субъективное благополучие жителей подрывается бедностью, безработицей и неэффективностью системы социальной защиты (Habibov and Afandi, 2009). Относительно высокие значения уровня счастья в Киргизии, Таджикистане и особенно Узбекистане связывают с нахождением чрезмерно большой доли населения за чертой бедности, что обеспечивает тем самым приемлемый уровень социального неравенства и расслоения общества (Karabchuk and Salnikova, 2018). В России, наоборот, глубокая материальная дифференциация уже долгие годы приводит к росту аномии и маргинализации большей части населения (Давыдова, Седова, 2004). Главной причиной неудовлетворенности жизнью граждан Республики Беларусь часто называется сильное давление государственного аппарата и экстремальное ограничение гражданских свобод (особенно остро в последние годы) (Moshes and Nizhnikau, 2021), тогда как в Казахстане, согласно расчетам, рост удовлетворенности качеством жизни не в последнюю очередь связан с одобрением гражданами власти и государственных институтов (Serikbayeva and Abdulla, 2021). Уровень счастья в прибалтийских государствах, хотя и ниже, чем в среднем по Европе, но за последние 15 лет уверенно растет. Основные тревоги жителей этих стран связаны с низкими темпами экономического роста и малопривлекательными местными рынками труда (Čirane and Sloka, 2019).

Таким образом, за прошедшие с распада СССР три десятилетия вновь образовавшиеся страны не только определились со стратегией своего дальнейшего развития, но и прошли некий путь, в результате которого они достигли определенного уровня развития и заняли то или иное место на геополитической карте мира. Задача дальнейшего исследования состоит в том, чтобы оценить прогресс этих стран в постсоветское время по различным направлениям и сделать вывод о том, насколько обретенная независимость позволила им заявить о себе в мировом пространстве.

Основные социально-экономические показатели дезинтегрированного существования

Ввиду обширности собираемой статистической информации в данном разделе будет сделан акцент на некоторых ключевых демографических и экономических показателях. При этом важно сопоставить значения показателей до распада СССР (или в наиболее близкий период после 1991 года) и в настоящий момент (табл. 1, 2). В анализе мы исходим из того, что все государства продолжили свое существование; ни одно из них за последние 30 лет устойчиво не находилось в экономической депрессии; везде в той или иной степени фиксировался экономический рост, который был реализован за счет принципиально разных факторов. Таким образом, общая картина свидетельствует о том, что целесообразно искать у рассматриваемых государств общие черты постсоветского развития.

Таблица 1

Демографические показатели государств

Государство	Численность населения, млн человек		Рождаемость, чел. на 1000 населения	
	1990	2020	1990	2019
Армения	3,54	2,96	21,8	13,6
Азербайджан	7,16	10,11	25,9	14,1
Беларусь	10,19	9,40	14,0	9,3
Эстония	1,57	1,33	14,2	10,6
Грузия	4,80	3,71	17,3	13,2
Казахстан	16,35	18,75	22,2	21,7
Киргизия	4,39	6,59	29,1	26,9
Литва	3,70	2,79	15,4	9,8
Латвия	2,66	1,90	14,2	9,8
Молдова	2,97	2,62	18,6	9,9
РФ	147,97	144,10	13,4	9,8
Таджикистан	5,28	9,54	40,6	30,0
Туркменистан	3,68	6,03	35,5	23,1
Украина	51,89	44,13	12,6	8,1
Узбекистан	20,51	34,23	33,7	24,3
ИТОГО	286,67	298,22	-	-

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка^{1,2}

Таблица 2

Экономические показатели государств

Государство	Темп прироста ВВП в 1996–2020 гг., % (среднее геометрическое значение)	Доля совокупного внешнего долга в ВНД, %	
		1996	2018
Армения	5,5	31,7	84,6
Азербайджан	7,4	13,9	36,3
Беларусь	4,5	13,3	67,0
Эстония	3,9	50,0*	76,3**
Грузия	5,1	45,0	102,4
Казахстан	5,2	14,0	99,8
Киргизия	4,1	63,6	101,9
Литва	4,0	28,3	67,7**
Латвия	3,6	50,0*	117,7**
Молдова	2,6	48,3	62,1
РФ	2,7	32,9	27,9
Таджикистан	6,0	71,8	68,3
Туркменистан	7,3	31,6	2,3
Украина	1,1	21,7	90,2
Узбекистан	5,9	17,2	33,8

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка^{3,4} и CEIC Data⁵

Примечание: * – данные за 1997 год; ** – данные за 2019 год.

¹ <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата доступа: 24.01.2022)

² <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?view=chart> (дата доступа: 24.01.2022)

³ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата доступа: 24.01.2022)

⁴ <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.GN.ZS> (дата доступа: 24.01.2022)

⁵ <https://www.ceicdata.com/en> (дата доступа: 24.01.2022)

Проведенный межстрановой сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, за период 1990–2020 гг. численность населения увеличивалась только в государствах, где большая часть проживающих исповедует ислам (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), что во многом связано с традициями и ценностями исламской культуры. Суммарный прирост населения в этих странах составил 26 млн человек на фоне сокращения численности проживающих в другой группе государств на 17 млн человек. При этом все страны в рассматриваемый период времени переживали снижение уровня рождаемости. Однако если для стран, в которых превалирует мусульманское население, изначальный уровень рождаемости имел запас прочности для обеспечения его естественного прироста, то снижение рождаемости в остальных государствах стало достаточным для депопуляции нации.

Во-вторых, по темпам роста экономики в 1996–2020 гг. в число аутсайдеров попали РФ, до сих пор страдающая от действия санкций, и Украина, по-прежнему не преодолевшая деструктивные последствия государственного кризиса 2013–2014 гг. Лидеры – Туркменистан и Азербайджан – подпитывают развитие национальной экономики экспортом газа и нефти. Прибалтийские страны, как и Европа в целом, демонстрируют достаточно умеренные темпы роста ВВП.

Стоит отметить, что экономический успех большинства государств сопряжен с ростом совокупного внешнего долга. Многие из них берут пример с США, когда внешний долг оказывается сопоставим с ВВП или превышает его (например, Украина, Казахстан, Киргизия, Латвия, Грузия). Фактически такие государства уже являются банкротами, что указывает на деструктивный оттенок положительных темпов роста ВВП. Только двум государствам в разной степени удалось добиться снижения внешнего госдолга: Российской Федерации и Туркменистану. Последний практически избавился от внешнего долга.

Данные табл. 1, 2 позволяют выделить четыре группы государств по экономико-демографическим показателям (рис. 1). Граница долгового фактора, определенная на уровне 50%, позволяет провести некоторую черту между государствами-должниками и относительно платежеспособными государствами. При этом фактические значения долгового бремени в 2018 году у рассматриваемых государств лежат существенно выше данной отметки либо ниже ее (табл. 2). Для демографического показателя выбрана точка нулевого прироста населения, идентифицирующая государства с депопуляцией и государства с приростом населения.

Доля внешнего долга в ВВП в 2019 г., %	Государства-должники с депопуляцией (Литва, Латвия, Эстония, Украина, Грузия, Молдова, Армения, Беларусь)	Государства-должники с ростом населения (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан)
	Платежеспособное государство с депопуляцией (РФ)	Платежеспособные государства с ростом населения (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан)
	Отрицательный и резко отрицательный Прирост численности населения (2018 г. относительно 1996 г.)	Положительный и резко положительный

Рис. 1. Группировка постсоветских государств по экономико-демографическим показателям

Источник: составлено авторами

Данные рис. 1 указывают на то, что шанс сохранить статус платежеспособного государства имеют только те бывшие республики СССР, которые обладают востребованными на мировом рынке природными ресурсами. Однако данное условие является необходимым, но недостаточным. Яркий пример Казахстана свидетельствует о том, что даже с развитым нефтегазовым сектором финансовое состояние государства может быть близко к банкротному. С другой стороны, управленческая модель Туркменистана при ресурсном богатстве позволила достичь финансовой суверенности.

Необходимо обратить внимание на то, что серьезных источников экономического роста, связанных с высокотехнологичным производством, не имеется ни в одном государстве – бывшей

республики СССР (возможно, за исключением оборонно-промышленного комплекса РФ). Более того, режим автономного существования государств привел практически к полной утрате многих стратегических производственно-инфраструктурных активов, доставшихся от СССР, без шансов на восстановление при сохранении *status quo*.

Таким образом, экспресс-оценка социально-экономических показателей государств показывает, что для многих из них прошедшее тридцатилетие не обернулось периодом процветания. Наблюдаемый экономический рост, как правило, сопровождался усилением внешней зависимости и эксплуатацией имеющихся природно-сырьевых ресурсов на фоне отсутствия или незначительных успехов в технологической модернизации и инновационном развитии. Кроме того, в странах, где большая часть населения не является сторонниками ислама, происходящие изменения сопровождались сокращением численности населения и его старением.

Университеты постсоветских государств в мировом образовательном пространстве

Еще одним аспектом, характеризующим автономное развитие стран постсоветского пространства, является их образовательный потенциал. Значимость его оценки для понимания последствий распада СССР для государств, образовавшихся в результате этого раскола, связана прежде всего с высокой степенью взаимозависимости уровней развития экономики и образования. Однако вопреки сложившемуся мнению о том, что именно развитие образовательной системы является локомотивом экономического развития (Valero et al., 2019), мы являемся сторонниками противоположной, не менее распространенной точки зрения, согласно которой образование «вторично» по отношению к экономике и его успехи отображают результаты промышленного развития и роста экономической активности (Тaleb, 2014; Hamdan et al., 2020; Балацкий, Екимова, 2021). Более того, некоторые исследования указывают на прямую связь между образовательным потенциалом страны и количеством существующих в ней глобальных высокотехнологичных компаний (Балацкий, Екимова, 2018). Например, три УМК Южной Кореи коррелируют с тремя транснациональными корпорациями – *Samsung Electronics*, *Hyundai Motor* и *LG Electronics*; в Сингапуре, где успешно действуют две крупнейшие глобальные корпорации (*Singapore Telecommunications* и *Wilmar*), созданы два сильных УМК; Финляндия, известная легендарной компанией *Nokia*, располагает одним УМК (Балацкий, Екимова, 2018). Исходя из этого уровень развития университетской системы страны и ее конкурентоспособность позволяет оперативно получать информацию не только о наличии УМК, но и о месте и роли того или иного государства в глобальной геополитической конкуренции.

Для оценки образовательной конкурентоспособности стран постсоветского пространства обратимся к анализу рынка университетов мирового класса (УМК). Проведенные ранее исследования позволили установить крайнюю неравномерность распределения УМК на карте мира (Балацкий, Екимова, 2021). Помимо трех глобальных геополитических центров УМК (Северная Америка, Объединенная Европа и Азия), можно выделить регионы, где таких структур не существуют (Африка и Ближний Восток), и пространство, где имеются единичные случаи подобного явления (Латинская Америка и постсоветское пространство). Для того чтобы понять, какие государства из последней группы приняли участие в борьбе за мировое образовательное пространство, обратимся к табл. 3.

Несложно видеть, что за эти годы ни одно из государств постсоветского пространства, за исключением России, никак не проявило себя в глобальной образовательной сфере. Это говорит о том, что по прошествии тридцатилетнего периода автономного существования пока только одна Россия из всех бывших союзных республик обозначила свое присутствие на рынке УМК и на текущий момент ее прямыми конкурентами являются латиноамериканские государства. Остальные же страны находятся на периферии образовательного пространства и пока не имеют никаких предпосылок для того, чтобы вступить в конкурентную борьбу. По всей видимости, у этих стран нет ни человеческого потенциала, ни исторических предпосылок, чтобы успешно конкурировать в мировом образовательном пространстве. При этом образовательный потенциал стран Латинской Америки (W) более чем в 3 раза превышает аналогичный показатель пост-

советского пространства, и там, в отличие от последних, в гонке за мировую конкурентоспособность на рынке образовательных услуг принимают участие пять латиноамериканских государств.

Таблица 3

Параметры университетских систем стран Латинской Америки

Страна	2017				2019				2021			
	У-1	У-2	У-3	W	У-1	У-2	У-3	W	У-1	У-2	У-3	W
Латинская Америка												
Бразилия	1	0	4	2,4	1	0	2	2,1	1	0	2	2,7
Мексика	0	0	2	1,4	0	0	1	1,3	1	0	1	1,8
Аргентина	0	1	1	1,1	0	1	1	1,1	0	1	0	1,2
Чили	0	0	3	1,2	0	0	3	0,7	0	0	3	0,7
Колумбия	–	–	–	–	0	0	2	0,2	0	0	3	0,4
Итого	1	1	10	6,1	1	1	9	5,4	2	1	9	6,8
Постсоветское пространство												
РФ	1	0	4	1,7	1	0	2	1,3	1	0	7	2,1
У-1 – количество УМК, ед. У-2 – количество университетов, претендующих на статус УМК, ед. У-3 – количество узкопрофильных УМК, ед. W – агрегированная оценка образовательного потенциала, ед.												

Источник: Балацкий, Екимова, 2021

Прошедшие пять лет отражают и качественные изменения на образовательном рынке двух регионов. Как видно из табл. 3, в рассматриваемый период произошло увеличение УМК на территории Латинской Америки, тогда как число УМК на постсоветском пространстве никак не изменилось. Более того, настораживающим является тот факт, что присутствие МГУ им. М.В. Ломоносова в числе УМК является крайне неустойчивым. Это связано с тем, что одним из критериев, учитываемых при составлении рейтинга УМК, является коэффициент научной диверсификации университета, который показывает число предметных рейтингов системы QS, где фигурирует вуз в списке топ-50 (R)⁶. «Границей отсечения» в алгоритме идентификации университетов принята отметка R = 5. Российский университет по данному критерию постоянно балансирует на грани и рискует утратить свой высокий статус, тогда как бразильский и мексиканский университеты преодолевают указанный барьер достаточно уверенно, что делает их позиции в рейтинге более стабильными, однако недостаточными для того, чтобы их рассматривать в качестве серьезных конкурентов лидерам глобального образовательного рынка (табл. 4).

Таблица 4

Параметры УМК Латинской Америки и России

Университет	2017		2019		2021	
	R	N*	R	N*	R	N*
University of Sao Paulo (USP)	9	74	9	79	13	67
National Autonomous University of Mexico (UNAM)	12	–	13	–	12	84
Lomonosov Moscow State University (МГУ)	6	99	5	107	6	101
N – порядковый номер университета в рейтинге УМК						

Источник: Балацкий, Екимова, 2021

⁶ Рейтинг университетов мирового класса. <http://nonerg-econ.ru/cat/16/201/> (дата доступа: 24.01.2022)

Примечательно, что приведенные в табл. 4 УМК подтверждают выдвинутое в работе (Балацкий, Екимов, 2018) предположение о связи университетского и корпоративного потенциалов. Так, наличие УМК в Бразилии коррелирует с известной во всем мире авиационной компанией *Embraer S.A.*, штаб-квартира которой находится именно в Сан-Паулу, а наряду с *UNAM* в Мехико функционирует крупнейший телекоммуникационный холдинг *America Movil*, который входит в число мировых лидеров по количеству абонентов и является одной из немногих компаний, пробившихся на азиатский рынок. Некую аналогию можно проследить и в России, где наиболее инновационной среди российских корпораций является «Газпром», однако в настоящее время даже МГУ не может рассчитывать на тесное взаимодействие с передовой национальной корпорацией, что делает позиции российского УМК достаточно неустойчивыми.

Таким образом, несмотря на незначительное преимущество потенциала Латинской Америки над университетской системой постсоветского пространства, рассматриваемые регионы являются аутсайдерами в глобальной борьбе за образовательное пространство и не являются конкурентоспособными игроками на рынке передовых университетов. Для уточнения данного тезиса обратимся к табл. 5, в которой приведена относительная производительность труда (ПТ)⁷ в странах постсоветского пространства, Бразилии и Мексике, и оценим, как развитие образовательной сферы взаимосвязано с экономическим прогрессом.

Приведенные данные позволяют увидеть, что распад СССР, произошедший в 1991 году, негативно отразился на всех экономических процессах и привел к резкому ухудшению экономики вновь образовавшихся стран. В отдельных случаях наблюдалось более чем двукратное увеличение отставания ПТ от США (например, в Грузии), которое практически на всей территории постсоветского пространства продолжалось как минимум все следующее десятилетие. При этом в отдельных странах оно достигло катастрофического масштаба, упав до уровня однозначных значений относительно ПТ США (например, в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и др.).

Таблица 5

Относительная производительность труда (США=100%) в странах постсоветского пространства, Бразилии и Мексике

Государство	1990	1992	2000	2010	2020
Армения	14,9	7,8	9,7	17,3	26,4
Азербайджан	23,7	17,1	9,3	31,4	23,6
Беларусь	24,6	21,6	17,3	30,0	30,6
Грузия	24,3	10,0	8,9	14,5	23,0
Казахстан	36,4	29,9	21,4	37,7	45,0
Киргизия	15,1	11,0	6,3	7,2	10,6
Латвия	н/д	25,5	24,9	36,4	48,9
Литва	н/д	28,1	25,2	43,4	58,3
Молдова	н/д	24,6	10,7	19,2	30,7
РФ	33,6	27,0	19,5	40,4	45,3
Таджикистан	22,6	14,2	5,8	8,8	12,5
Туркмения	33,8	24,8	15,5	24,8	32,8
Узбекистан	14,4	11,8	8,8	12,1	13,8
Украина	34,1	27,8	12,4	18,3	22,1
Эстония	н/д	30,2	27,8	44,4	57,7
Бразилия	35,8	33,8	28,9	30,8	24,9
Мексика	48,7	48,9	40,3	37,3	35,5

Источник: составлено авторами по данным статистики ООН⁸ и Международной организации труда ILO⁹

⁷ За 100% принята производительность труда в США.

⁸ <http://data.un.org/> (дата доступа: 24.01.2022)

⁹ <https://www.ilo.org> (дата доступа: 24.01.2022)

Данный факт легко объясним, если вспомнить принцип устройства экономики СССР, которая представляла собой единый отлаженный механизм, в котором каждой республике отводилось строго определенное место с учетом имеющегося в регионе потенциала (природно-ресурсного, инновационно-технологического и др.). Так, в Казахстане и Узбекистане выращивали хлопок, в Литве и Латвии развивали электронику, сахар был преимущественно украинским, шпроты – рижские и т.д. Фактически был реализован принцип узкой специализации, которая в совокупности позволяла добиваться значимых результатов. По данным МВФ, экономика СССР в 1990 году была второй после США в мире, и на ее долю приходилось 12,1% мирового ВВП¹⁰.

Примечательно, что потребление товаров и услуг в республиках не было напрямую привязано к производству и практически во всех республиках превышало производимые объемы (табл. 6). При этом вопреки распространенному мнению именно РСФСР (вкуче с Белорусской ССР) выступала в качестве донора, отдавая каждый третий заработанный рубль братьям по Союзу.

Таблица 6

Производство и потребление в республиках СССР в 1990 году

Республика	Производство, ВВП на душу населения в год, тыс. дол.	Потребление на душу населения в год, тыс. дол.	Баланс
РСФСР	17,5	11,8	–5,7
Белорусская ССР	15,6	12,0	–3,6
Украинская ССР	12,4	13,3	0,9
Казахская ССР	10,1	17,7	7,6
Узбекская ССР	6,6	17,4	10,8
Литовская ССР	13,0	23,3	10,3
Азербайджанская ССР	8,3	16,7	8,4
Грузинская ССР	10,6	41,9	31,3
Туркменская ССР	8,6	16,2	7,6
Латвийская ССР	16,5	26,9	10,4
Эстонская ССР	15,8	35,8	20,0
Киргизская ССР	7,2	11,4	4,2
Молдавская ССР	10,0	13,4	3,4
Армянская ССР	9,5	29,5	20,0
Таджикская ССР	5,5	15,6	10,1

Источник: <https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720/>

Произошедший распад СССР разрушил сложившийся механизм, в результате чего каждая из союзных республик оказалась в сложном экономическом положении, поскольку единое производственное пространство было раздроблено на отдельные части, каждая из которых в связи с установившимся новым миропорядком располагалась на территории другого государства. Выбор дальнейшего пути экономического развития каждой вновь образованной страной, как было отмечено ранее, формировался под влиянием наличия определенной ресурсной базы.

Наметившийся после 2000 года экономический рост в странах постсоветского пространства сопровождался не только внутренними проблемами, но и глобальными кризисами, в результате чего большая часть этих государств по прошествии 30 лет своего существования фактически только вернулась к уровню, который был у них перед распадом СССР, или незначительно его превысила. Такие страны, как Киргизия и Украина, даже не сумели приблизиться к уровню своего развития в советский период, достигнув только 70-процентный барьер от отметки 1990 года. Относительно успешными на этом фоне выглядят прибалтийский страны (Литва, Латвия

¹⁰ Запольскис А. Кто кого кормил в СССР, и кто больше проиграл от его развала. <https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720/> (дата доступа: 24.01.2022)

и Эстония), РФ и Казахстан. Однако их успех объясняется изначально более высоким уровнем развития, а также вхождением прибалтийских государств в состав ЕС, и происходит на фоне масштабного оттока трудоспособного населения.

Таким образом, отсутствие существенного прогресса в экономической сфере не позволило бывшим республикам СССР совершить какой-либо значительный рывок и в образовательной сфере. МГУ им. М.В. Ломоносова, единственный УМК на всем постсоветском пространстве, обладает мощными историческими предпосылками, подкрепленными экономическими успехами России относительно других постсоветских стран. Кроме того, как показывает практика, построение центров выдающихся достижений и формирование УМК тесно сопряжено со специальными программами государственного финансирования, которые на территории постсоветского пространства начали развиваться относительно недавно и которые невозможны без экономических успехов страны. Так, например, государственное финансирование в Канаде началось уже в 1989 г., Дании – в 1991 г., Финляндии – в 1995 г., Китае – в 1996 г., Гонконге – в 1998 г., Японии – в 2002 г., Австралии и Норвегии – в 2003 г., Тайване – в 2005 г., Германии – в 2006 (Салми, Фрумин, 2013). В РФ первый серьезный институциональный шаг в данном направлении был сделан только в 2008 году. Более того, по экспертным оценкам, только сверхщедрое финансирование (более 100 млн долл.) позволяет осуществить прорывной успех в области формирования УМК (Салми, Фрумин, 2013). Однако ни РФ, ни остальные страны постсоветского пространства пока не могут позволить себе столь щедрых вложений.

Если обратиться к странам Латинской Америки, где ситуация с построением УМК обстоит немного лучше по сравнению с государствами постсоветского пространства, то можно увидеть, что, несмотря на достаточно высокий уровень их относительной ПТ в начале 1990-х годов в сравнении с республиками СССР, за прошедшие три десятилетия происходило не сокращение отставания от США, а его нарастание (табл. 5), что не позволило и этим странам триумфально заявить о себе в глобальной образовательной конкурентной борьбе. Более того, можно сказать, что практически ни одна из рассматриваемых стран, за исключением вошедших в ЕС прибалтийских государств, к 2020 году не превысила уровень относительной ПТ, который наблюдался в Мексике в 1990 году. Противоположным примером является Китай, который, сократив за 30 лет отставание относительной ПТ практически в 7 раз и выйдя на первое место в мире по ВВП¹¹, совершил грандиозный рывок на рынке передовых университетов мира, взрастив за это время 10 УМК и поднявшись на третью строчку в рейтинге стран мира по уровню потенциала национальных университетских систем¹².

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в настоящее время практически ни одна из стран постсоветского пространства, за исключением РФ, не представлена на рынке передовых университетов мира и не является конкурентоспособной в глобальной образовательной сфере, что связано, прежде всего, с отсутствием значимых экономических достижений и развития высокотехнологичного сектора в этих странах.

Конфликтный потенциал государственной разобщенности

Территория бывшего Советского Союза, существующая в виде отдельных государств, приобретает усиливающуюся внутреннюю напряженность. Устойчивым трендом стало распространение в обществе и государственной политике гипертрофированного национализма, приближающего в азиатских республиках и на Украине к шовинизму, что подчеркивает углубление обособленности на качественно новой основе с перспективой агрессивного противостояния.

Беларусь долгое время эксплуатировала литвинство как принадлежность к Великому княжеству Литовскому и противопоставление Белой Руси, являющейся частью русского народа. В Казахстане моноэтническая повестка регулярно пользуется государственной поддержкой (отказ от кириллицы, языковые патрули). Дискуссия вращается вокруг двух прямо противоположных

¹¹ <http://data.un.org/> (дата доступа: 24.01.2022)

¹² Рейтинг национальных университетских систем. <http://nonerg-econ.ru/cat/16/203/> (дата доступа: 24.01.2022)

точек зрения: развивать двунациональное государство или приступить к программе культивирования основной, или «титულიной», нации (Sharipova et al., 2014). При поддержке США и ЕС Украина с 2014 года повернула на антирусский и антироссийский путь существования. В отношении Грузии, Армении и Азербайджана часто используют термин «банальный национализм» для описания дискурсов в поддержку насилия и обоснования разделения «мы – они» между противоборствующими сторонами конфликта; в каждой из стран эти дискурсы обычно инициируются государственными лицами (Tabidze and Atabekyan, 2020). Война в Карабахе (Арцахе) 2021 года показала стремительное вхождение Азербайджана в орбиту Турции. Национальная идентичность в Молдове имеет диалектическую основу: сторонники «молдаванизма» презируют «румынизм» и наоборот (Baar and Jakubek, 2017).

Избыточный рост националистических настроений во многих государствах приводит к запрету и ограничениям использовать русский язык как культурный элемент, связывающий народы: запрет на официальном уровне ввела Украина; ограничения на бытовом уровне – Казахстан, Узбекистан, Киргизия. За вытеснение русского языка по принципу «что не разрешено, то запрещено» борются власти в Литве, Латвии, Эстонии.

Все цветные революции на постсоветском пространстве не были беспочвенны. Украина, Беларусь и Казахстан действительно накопили целую массу проблем в экономической, социальной и иных областях, что говорит о слабости государственных институтов и неспособности создать автономную и устойчивую к внешним шокам модель государственного управления. В 2020–2021 гг. цветная революция в Беларуси едва не завершилась успехом для ее организаторов, и только прямой ввод войск РФ позволил сохранить правящий режим. В январе 2022 г. с попыткой государственного переворота столкнулся Казахстан. Благодаря политическому вмешательству сил ОДКБ удалось предотвратить обрушение государства. Однако в 2014 г. РФ, оставшись в стороне, позволила цветной революции на Украине состояться и в итоге получила себе опасного врага, поддерживаемого НАТО, и реальную угрозу военного столкновения с ним, результат и последствия которого трудно предсказуемы, но будут иметь стратегическое значение для РФ и всего постсоветского пространства.

Растущая разобщенность приводит к обострению территориальных претензий между государствами-соседями и внутри государств. При этом старые территориальные споры являются принципиально не решаемыми и могут получить только временный исход в пользу какой-либо стороны с перспективой пересмотра. Кроме того, прежние территориальные претензии имеют тенденцию обрастать новыми притязаниями, обычно подкрепленными «исторической фактурой» от любого конфликтующего государства.

В настоящее время на пространстве бывшего СССР остается множество горячих точек, замороженных и активных:

- Грузия против Республики Абхазия (граница с Грузией – 163 км) и Республики Южная Осетия (граница с Грузией – 391 км). Республики поддерживаются РФ, которая де факто обеспечивает их безопасность на границе с потенциальным противником;
- Армения против Азербайджана и Турции за Нагорный Карабах (Арцах); в данном конфликте миротворческие силы РФ обеспечивают безопасность территории площадью 3170 кв. км;
- Молдова против Приднестровской Молдавской Республики с русским населением, поддерживаемым РФ (миротворческие силы РФ обеспечивают безопасность территории площадью 4163 кв. км и государственной границы протяженностью 816 км);
- Украина против РФ за воссоединение с Крымом, Донецкую и Луганскую Народные Республики, поддерживаемые РФ;
- Таджикистан против Киргизии в пограничных конфликтах.

Следует отметить, что два миротворческих контингента РФ в Карабахе (Арцахе) и Приднестровье не имеют прямого сухопутного сообщения с территорией РФ, что делает их достаточно уязвимыми в случае непредвиденного обострения обстановки. Вмешательство РФ для поддержки миротворцев неизбежно потребует использование территории, воздушного пространства соседних государств (Грузии, Украины), что может стать отдельным осложняющим фактором.

Ряд государств бывшего СССР не могут гарантировать свое существование во внешнем агрессивном окружении. При невмешательстве РФ Армения за 44 дня потерпела поражение в войне с Турцией и Азербайджаном за Нагорный Карабах и находится в крайне сложном положении на грани оккупации. Угроза вторжения из Афганистана создает крупные риски если не физическому существованию Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, то сохранению привычного для них общественно-политического строя. Эта угроза вынуждает РФ усиливать военную базу в Таджикистане и проводить в регионе военные учения.

В табл. 7 в агрегированном виде представлены военно-политические факторы, обременяющие бывшие союзные республики СССР.

Таблица 7

Ландшафт военно-политических «болевых» точек на постсоветском пространстве

Государство	Отношение с другими бывшими республиками СССР		Наличие угроз от других соседних государств	Наличие опыта цветной революции
	Наличие территориальных претензий	Наличие горячих точек, активных и замороженных		
Армения	+	+	+	+
Азербайджан	+	+		
Беларусь	+		+	+
Эстония	+			
Грузия	+	+		+
Казахстан	+			+
Киргизия	+	+	+	
Литва	+			
Латвия	+			
Молдова	+	+		+
РФ		+	+	
Таджикистан	+	+	+	
Туркменистан	+		+	
Украина	+	+		+
Узбекистан	+		+	+

Источник: составлено авторами

Данные табл. 7 иллюстрируют «шахматную доску» постсоветского пространства. За каждым знаком «+» стоят отдельные события и их предпосылки, градус напряженности которых на текущий момент времени далеко неодинаков и нестабилен. Дополнительно на рассматриваемом ландшафте могут появиться и новые знаки «+».

Отдельного внимания заслуживают отношения РФ с приграничными государствами постсоветского пространства. Общая протяженность государственной границы РФ с бывшими республиками СССР составляет почти 35% от длины экватора, и практически все участки границы являются проблемными с точки зрения госбезопасности. Только Союзное государство РФ с Беларусью делает границу между государствами фактически отсутствующей. Однако границу Беларуси с государствами – членами НАТО (Латвия, Литва, Польша) и антироссийской Украиной автоматически следует относить к военным проблемам для РФ.

Границы РФ с бывшими союзными республиками, в том числе являющимися членами НАТО, характеризуются разной степенью напряженности, образуя вокруг РФ как минимум пояс нестабильности, а при самом неблагоприятном раскладе – линию конфронтации и даже фронта (табл. 8).

Таблица 8

Характеристика обстановки на границах РФ

Граница	Протяженность границы, км	Характеристика
РФ – Азербайджан	390	В связи с вхождением Азербайджана в орбиту влияния Турции после войны с Арменией за Карабах (Арцах) данный участок границы является потенциально напряженным
РФ – Беларусь	1251 (2335)	Граница «РФ – Беларусь» не содержит конфликтного потенциала. Однако сложная обстановка на границах Беларуси с Польшей (399 км), Литвой (679 км), Латвией (173 км), Украиной (1084 км) становится проблемой РФ и может суммарно рассматриваться как потенциальная линия фронта (2335 км)
РФ – Эстония*	337	Потенциальная линия фронта
РФ – Грузия	572	Потенциальная линия фронта в связи с нахождением Грузии под влиянием США
РФ – Казахстан	7599	Нестабильная обстановка в связи с внутренним политическим курсом Казахстана на вытеснение русского населения и тюркизацией региона
РФ – Литва*	266	Потенциальная линия фронта
РФ – Латвия*	270	Потенциальная линия фронта
РФ – Украина	2250	Потенциальная линия фронта в связи с нахождением Украины под влиянием США
ИТОГО	12923 (14019)	

Источник: составлено авторами

Примечание: * государство является членом НАТО

В целом протяженность потенциальной линии фронта по суше составляет 6000 км, а еще 8000 км государственной границы относятся к меньшей категории опасности, но не могут рассматриваться как благополучные. Январские события 2022 г. в Казахстане показали хрупкость этой государственной конструкции, и в случае свержения действующего президента К.-Ж.К. Токаева РФ столкнулась бы с практически нерешаемой задачей – обеспечить безопасность государства на участке государственной границы протяженностью почти 7600 км. Однако последовавшие события в Казахстане после вывода миротворческих сил ОДКБ свидетельствуют о том, что степень напряженности для границы «РФ – Казахстан» не сильно уменьшилась, и гарантий от ее превращения в потенциальную линию напряженности не прибавилось.

Помимо непростых межгосударственных отношений на территории самой РФ тлеют и территориальные претензии друг к другу со стороны национальных регионов (например, Чеченская Республика и Республика Ингушетия в споре при обмене территориями, Республика Тыва против Красноярского края). В своем выступлении на заседании Совета по правам человека от 9 декабря 2021 г. Президент РФ указал на существование порядка 2000 территориальных претензий внутри РФ¹³.

Таким образом, территория бывшей Российской империи и распавшегося СССР насыщена множеством очагов этнокультурных конфликтов, имеющих все возможности перерасти в локальные вооруженные противостояния в случае существенного ослабления РФ или при усилении внутривосточных конфликтов.

При этом следует подчеркнуть, что проблемы Украины, Беларуси и других государств автоматически становятся таковыми и для РФ в силу этнокультурного, географического и других факторов. Так, вооруженные конфликты в Армении и в других среднеазиатских государствах означают не просто геополитическое вытеснение РФ из региона, но и наступление прямых военных угроз для территории самой РФ. Отсюда вынужденные меры РФ по вводу миротворческих сил в Нагорный Карабах (Арцах), усилению военной группировки на границе Таджикистана с Афганистаном и др. Экономические и социальные проблемы Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, в том числе в связи с ростом численности населения в этих государствах, приводят к многомиллионной трудовой миграции в РФ.

¹³ Путин на встрече с СПЧ вступил в полемику с Сокуровым об устройстве России. <https://ria.ru/20211209/putin-1763028230.html> (дата обращения: 24.01.2022)

Следствием этой миграции становятся эскалация социального напряжения в РФ, неконтролируемая динамика криминальных событий, гражданские выступления и радикализация настроений.

Если в условиях Российской империи и СССР внутренние и внешние вызовы отрабатывались за счет консолидированного ресурса всей страны, то теперь крупные проблемы этой же территории обременяют преимущественно ресурсы РФ. В условиях их ограниченности дальнейший перенос на плечи РФ растущей массы социально-экономических, политических, военных проблем бывших союзных республик не может не привести к перегрузке. Потенциальный кризис от превышения накопленных проблем над возможностями их «замораживания», и тем более решения, неизбежно приведет к обрушению ситуации на всем постсоветском пространстве, когда скрытые и новые конфликты вспыхнут одновременно.

Осознание угрозы общего системного кризиса с непредсказуемо драматичными последствиями для большинства государств бывшего СССР потенциально может подтолкнуть к фазе активной реинтеграции на базе существующих объединений или посредством создания новых институтов. Однако продолжительность автономного существования постсоветских государств насчитывает уже 30-летний период, в течение которого окрепли национальные элиты, сформировались и утвердились их центробежные политические векторы, в значительной степени утеряна память и опыт единого государства. В этом состоит одно из ключевых отличий от событий 1920-х годов, когда разрушенная в 1917–1918 годах Российская империя при наличии политической воли, имперских кадров и отсутствии сильнейшего внешнего противодействия смогла достаточно быстро пересобратся в новое единое государство – Советский Союз – с дальнейшим его расширением.

Согласно современной трактовке теории систем, так называемый глобальный системный баланс, или потенциал системы, представляет собой синергетический эффект от двух составляющих: внутреннего эффекта (E_i , сумма индивидуальных результатов деятельности участников системы) и эмерджентного эффекта (E_e , результат от взаимодействия друг с другом элементов системы) (рис. 2).

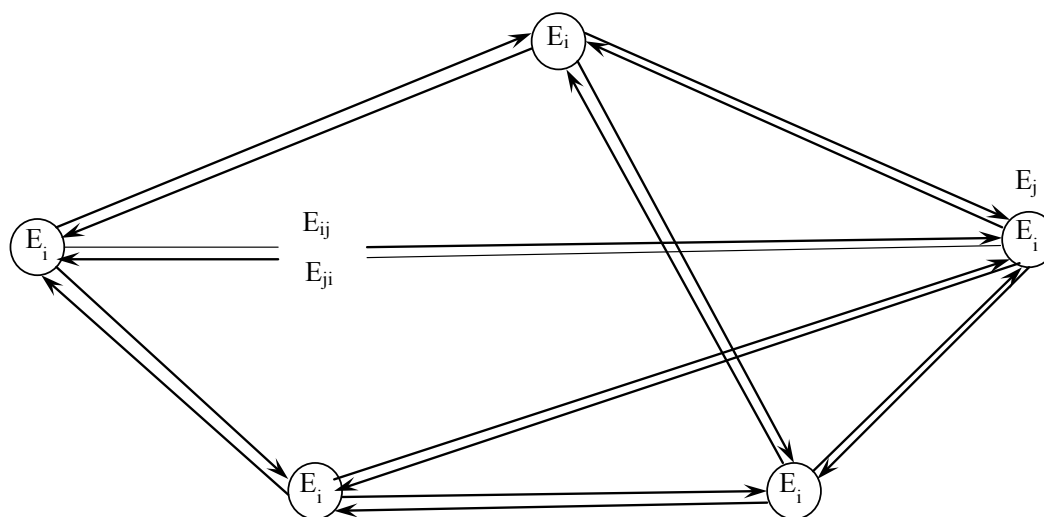

Рис. 2. Внутренние и эмерджентные эффекты в социальной системе

Источник: Балацкий, 2020

Формально этот процесс может быть представлен в статическом (1) и динамическом (2) виде тождествами Е.В. Балацкого (2020):

$$E = \sum_{i=1}^I E_i + \sum_{j=1}^J \sum_{i=1}^I E_{ij} \quad (1)$$

$$E_T = \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^I E_{it} + \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^J \sum_{i=1}^I E_{ijt} , \quad (2)$$

где E – общий (системный) эффект, E_i – эффект от деятельности i -го участника системы, E_{it} – результат деятельности i -го участника системы в момент времени t , E_{ij} – потенциал взаимодействия i -го и j -го участников системы, E_{ijt} – потенциал взаимодействия i -го и j -го участников системы в момент времени t .

Определяющим в данном виде взаимодействия является эмерджентный эффект, поскольку именно от него зависит, будет ли совокупный эффект больше внутреннего или меньше. Так, сложившаяся после распада СССР ситуация на границе России является ярким примером инверсии конструктивных связей в деструктивные, когда Россия вынуждена отвлекать часть имеющихся ресурсов на поддержание стабильности не только своих границ, но и соседних государств. Тем самым эффект взаимодействия становится отрицательным, снижая общую результативность.

Таким образом, теория систем хорошо иллюстрирует процесс дезинтеграции СССР: сохранение элементов уже не подкрепляется системными связями, что и привело к исчезновению синергетического эффекта от объединения союзных республик.

Заключение

Проведенный выше анализ показал, что за прошедшие годы ни одна из бывших республик СССР, включая РФ, в целом не смогла создать образ сильного, экономически состоятельного и суверенного государства. Существенного прорыва не было достигнуто ни по одному из рассмотренных направлений. Несмотря на экономический рост, в той или иной степени сопровождавший автономное развитие стран постсоветского пространства, его темпы не позволили им осуществить прорыв и фактически за тридцатилетний период только вернули к уровню производительности труда относительно США, который существовал на момент распада СССР.

На тесно связанном с экономическим прогрессом глобальном рынке образовательных услуг страны постсоветского пространства за прошедшие годы также не смогли себя проявить и остались на периферии образовательного пространства. Единственный УМК, существующий на территории бывших республик, – МГУ имени М.В. Ломоносова – расположен в России и пока конкурирует преимущественно с латиноамериканскими университетами.

Кроме того, за прошедшие 30 лет благодаря как внутренним, так и внешним силам постсоветское пространство практически полностью превратилось в зону повышенной конфликтности. При этом конфликтный потенциал региона при существующем внешнем вмешательстве является достаточно большим, а РФ продолжает выступать для постсоветского пространства единственным фактором стратегической стабильности. Для закавказских и среднеазиатских республик потенциальной альтернативой РФ выступает «китайский» порядок либо «внешний исламский» порядок (как вариант «Великий Туран»), полную версию которых не все готовы принять и вынести. Пример работоспособности внешнего европейско-атлантического порядка уже наглядно демонстрируют прибалтийские республики (Литва, Латвия, Эстония) – демографически опустевшие, экономически истощенные и, с военной точки зрения, оккупированные территории.

Таким образом, пытаясь обрести независимость, каждая из постсоветских стран потеряла себя как единую экономическую и политическую систему. Объединение бывших союзных республик позволяло достигать более высоких результатов, чем их последующая деятельность в режиме обособленных государств. По многим позициям существование в рамках единого государства было для всех более выгодным, поскольку обеспечивало республикам относительную стабильность на фоне сохранения самоидентичности и национального самосознания. Несмотря на то что в наши дни воссоединение СССР является утопичным, усиление существующих и создание новых коалиций, основанных на принципах взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества, могло бы послужить основой повышения гарантий стабильности на постсоветском пространстве и усиления геополитической значимости бывших союзных республик.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что при распаде СССР был утрачен синергетический эффект от «сборки» отдельных республик. Без этого эффекта ни одно из государств бывшего союза не может стать по-настоящему влиятельным игроком на мировой экономической и политической арене. В связи с этим необходимо плановое восстановление утраченного эффекта эмерджентности для роста конкурентоспособности постсоветского пространства.

Литература / References

- Акаев А.А. и др. (2016). Постсоциалистическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы на рубеже веков: региональное развитие и экономическое неравенство. *Экономика региона* 12(3), 613–626. [Akayev, A. et al. (2016). The post-socialist transformation of Central and

- Eastern Europe at the turn of the century: Regional development and economic inequality. *Economy of Regions* **12**(3), 613–626 (in Russian).] DOI: 10.17059/2016-3-1
- Андреевкова А.В. (2020). Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах – сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* **155**(1), 316–339. [Andreenkova, A. (2020). Cross-country differences in the level of happiness in post-Soviet countries-comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* **155**(1), 316–339 (in Russian).] DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.13
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2018). Опыт идентификации университетов мирового класса. *Мировая экономика и международные отношения* **62**(1), 104–113. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2018). The experience of identifying world-class universities. *World Economy and International Relations* **62**(1), 104–113 (in Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-104-113
- Балацкий Е.В. (2021). Институциональные реформы и человеческий капитал. *Журнал Новой экономической ассоциации* **51**(3), 104–125. [Balatsky, E. (2021). Institutional reforms and human capital. *Journal of the New Economic Association* **51**(3), 104–125 (in Russian).]
- Балацкий Е.В. (2020). Учение о неэргодичности социального мира. *Мир России* **29**(1), 174–193. [Balatsky, E. (2020). The doctrine of the non-ergodicity of the social world. *Mir Rossii* **29**(1), 174–193 (in Russian).] DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2021). Рынок университетов мирового класса: пересмотр геополитических и национальных стереотипов. *Социологические исследования* (9), 117–131. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2021). World-class university market: Rethinking geopolitical and national stereotypes. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (9), 117–131 (in Russian).] DOI: 10.31857/S013216250014952-0
- Валлерстайн И. (2006). *Мировосистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего, 248 с. [Wallerstein, I. (2006). *World-system analysis: An introduction*. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 248 p. (in Russian).]
- Виноградов А.В., Рябов А.В. (2019). Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации. *Полис. Политические исследования* (3), 69–86. [Vinogradov, A., Ryabov, A. (2019). Political systems of post-Soviet countries and China in the process of intersystem transformation. *Polis. Political Studies* (3), 69–86 (in Russian).]
- Головнин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. (2016). Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства. *Мировая экономика и международные отношения* **60**(4), 61–69. [Golovnin, M., Zakharov, A., Ushkalova, D. (2016). Economic integration: Lessons for the Post-Soviet space. *World Economy and International Relations* **60**(4), 61–69 (in Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-4-61-69
- Давыдова Н.М., Седова Н.Н. (2004). Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных. *Социологические исследования* (3), 40–50. [Davydova, N., Sedova, N. (2004). Material and property characteristics and quality of life of the rich and the poor. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (3), 40–50 (in Russian).]
- Салми Д., Фрумин И.Д. (2013). Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России. *Вопросы образования* (1), 25–68. [Salmi, D., Frumin, I. (2013). Excellence initiatives to establish world-class universities: Evaluation of recent experiences. *Educational Studies. Moscow*. (1), 25–68 (in Russian).] DOI: 10.17323/1814-9545-2013-1-25-68
- Симачев Ю.В. и др. (2021). *Россия на рынках передового производства*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 112 с. [Simachev, Y. et al. (2021). *Russia in the Markets for Advanced Manufacturing*. Moscow: HSE Publishing House, 112 p. (in Russian).]
- Талеб Н.Н. (2014). *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 768 с. [Taleb, N. (2014). *Antifragile. Things that Gain from Disorder*. Moscow: KoLibri, 768 p. (in Russian).]
- Тураева М.О., Вардомский Л.Б. (2020). *Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира*. М.: ИЭ РАН, 192 с. [Turaeva, M., Vardomsky, L. (2020). *Transformation of Economic Models in the Post-Socialist World*. Moscow: IE RAS Publ., 192 p. (in Russian).]
- Alexianu, M. (2015). Post-Soviet transition: The impact of Russian influence on institutions. *Neo-Transitional Economics* (16), 167–189. DOI: 10.1108/S1569-376720150000016008
- Alexiou, C., Vogiazas, S., Solovev, N. (2020). Economic growth and quality of institutions in 27 postsocialist economies. *Journal of Economic Studies* **47**(4), 769–787. DOI: 10.1108/JES-02-2019-0069
- Baar, V., Jakubek, D. (2017). Divided National Identity in Moldova. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics* **11**(1), 58–92. DOI: 10.1515/jnmlp-2017-0004

- Belke, A. et al. (2009). Prospective NATO or EU membership and institutional change in transition countries. *Ruhr Economic Papers* № 131.
- Benešová, I. et al. (2017). Economic convergence of the post-Soviet countries. *20th International Scientific Conference "Enterprise and Competitive Environment"*, March.
- Benešová, I., Smutka, L. (2016). The post-soviet countries–development and structure of economy: Is there any potential for future regional integration? *Procedia-Social and Behavioral Sciences* (220), 30–39. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.05.466
- Cipane, K., Sloka, B. (2019). Overall life satisfaction in Latvia. *Economic and Social Development: Book of Proceedings*, 343–352.
- Dragneva, R., Wolczuk, K. (2012). *Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, stagnation or rivalry?* Chatham house briefing paper, 1–16.
- Drahokoupil, J., Myant, M. (2015). Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: Ebenau, M., Bruff, I., May, C. (eds.) *New Directions in Comparative Capitalisms Research*. London: Palgrave Macmillan, pp. 155–171.
- Grigas, A. (2012). *Legacies, coercion and soft power: Russian influence in the Baltic States*. Chatham house briefing paper, pp. 1–16.
- Habibov, N., Afandi, E. (2009). Analysis of subjective wellbeing in low-income transitional countries: evidence from comparative national surveys in Armenia, Azerbaijan and Georgia. *Journal of Comparative Social Welfare* 25(3), 203–219.
- Habibov, N., Afandi, E. (2015). Pre-and post-crisis life-satisfaction and social trust in transitional countries: An initial assessment. *Social Indicators Research* 121(2), 503–524. DOI: 10.1007/s11205-014-0640-8
- Hamdan, A. et al. (2020). A causality analysis of the link between higher education and economic development: Empirical evidence. *Heliyon* 6(6), 04046. DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e04046
- Helliwell, J. et al. (2021). *World Happiness Report 2021*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Karabchuk, T., Salnikova, D. (2018). Objective and subjective welfare: A comparative analysis of Central Asian countries, Russia, and Belarus. *Russian Social Science Review* 59(5), 385–403. DOI: 10.1080/10611428.2018.1530501
- Moshes, A., Nizhnikau, R. (2021). The Belarusian Revolution: sources, interim outcomes, and lessons to be learned. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 29(2), 159–181.
- Mussagulova, A. (2021). Newly independent, path dependent: The impact of the Soviet past on innovation in post-Soviet states. *Asia Pacific Journal of Public Administration* 43(2), 87–105. DOI: 10.1080/23276665.2020.1805338
- Petrovich-Belkin, O., Eremin, A., Bokeriya, S. (2019). The decline of Russia's influence in the post-soviet region and the reasons behind it. *Comparative Politics Russia* 10(3), 95–104. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10032
- Popov, V. (2007). Shock therapy versus gradualism reconsidered: Lessons from transition economies after 15 years of reforms. *Comparative economic studies* 49(1), 1–31.
- Raiklin, E. (2005). Pre-Soviet, Soviet and post-Soviet models of economic growth and development. *International Journal of Social Economics* 32(11), 968–1010. DOI: 10.1108/03068290510623807
- Serikbayeva, B., Abdulla, K. (2021). Good governance matters for well-being: the case of Kazakhstan. *Transforming Government: People, Process and Policy*. DOI: 10.1108/TG-02-2021-0030
- Sharipova, D., Burkhanov, A., Alpeissova, A. (2017). The determinants of civic and ethnic nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the grass-roots level. *Nationalism and Ethnic Politics* 23(2), 203–226. DOI: 10.1080/13537113.2017.1311143
- Tabidze, M., Atabekyan, A. (2020). Banality of nationalism in the South Caucasus: Pro-violence practices of the society in Georgia and Armenia. *Activism and peace in the South Caucasus*. <https://caucasusedition.net/banality-of-nationalism-in-the-south-caucasus-pro-violence-practices-of-the-society-in-georgia-and-armenia/> (accessed on January 29 2021)
- Valero, A., Reenen, J. (2019). The economic impact of universities: Evidence from across the globe. *Economic of Education Review* 68, 53–67. DOI: 10.1016/j.econedurev.2018.09.001
- Vinokurov, E., Libman, A. (2012). Eurasia and Eurasian integration: Beyond the post-Soviet borders. *Eurasian Integration Yearbook*, 80–95.